

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

ИГОРЬ ТЕКАЛОВ

**«САНДАЛ»
ПАХНЕТ
ПОРОХОМ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки *Половцевой Яны*

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 «Сандал» пахнет порохом : [роман] / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-096173-3

Старинный кинжал, захваченный при разбойном нападении на ювелира, причудливым образом связывает средневековую секту профессиональных убийц и основоположников террора — ассасинов с международным руководителем терроризма, засевшим в годы Чеченской войны в неприступном горном укрепрайоне. Он практически неуязвим, но неожиданно на территории республики появляется некая «третья сила», как нападающая на федеральные войска, так и жестоко расправляющаяся с полевыми командирами и отрядами моджахедов. На чьей же стороне строго засекреченная оперативно-боевая группа «Сандал»? И какова конечная цель их вроде бы хаотичных и противоречивых, а на самом деле тщательно и хитроумно продуманных действий?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096173-3

© Корецкий Д.А., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Сандал — уникальное экзотическое дерево, которое растет в горах и обладает сладко-терпким ароматом. Его эфирное масло применяется в парфюмерии и в лечебных целях.

Из энциклопедии

Глава 1

Налет на ювелира (Вместо пролога)

Северная Осетия, Моздок, июль 1994 г.

Нариман — ювелир моздокский. Нет, это не ругательство — просто он действительно ювелир, а живет и работает в городе Моздоке. Сочетание слов «Петербург» и «ювелир» выводит мысли обывателя на Дом Фаберже, его поклонников и последователей. Сочетание слов «Моздок» и «ювелир» у большинства людей не вызывает никаких ассоциаций. Потому что после слова «Моздок» воображение рисует прифронтовой город, наполненный тысячами военных на улицах, «бэтээрами» на дорогах, контрольно-пропускными пунктами... Но первая чеченская война еще не началась, хотя напряжение уже чувствуется — уж больно беспокойной стала соседняя республика. И отгородиться от нее непросто: до Чечни рукой подать, кругом поля, чтобы отгородиться, нужно прорыть рвы протяженностью около 150 километров. А КПП можно и объехать, особенно летом.

Но Нариман об этом не думает. Он живет привычной, тихой и размеренной жизнью. Моздок конечно не Петербург, дух эстетствующей гордыни и эффектной показухи пропитали его гораздо меньше, но безработица Нариману не грозит. Хотя и процветающими его дела назвать трудно. Успешный бизнес не всегда показывает результаты в краткосрочном периоде. У Наримана этот период затянулся.

И уж конечно обычный человек, не знакомый с легендами, окутывающими ювелирное дело, при знаком-

стве с Нариманом первым делом удивится: почему это у человека славянской внешности такое имя? Да все просто — родители его так назвали под влиянием красивой и романтической сказки о Дамасской розе. В ней ювелирный мастер из Дамаска — юноша по имени Нариман — под впечатлением от увиденной в цветнике розы создал столь же прекрасную, но искусственную и подарил ее старому садовнику. А садовник, в благодарность, привел ему девушку неземной красоты. Нариман понял, что перед ним, стыдливо прикрывая лицо шифоном, стояла настоящая Дамасская роза. Так и соединились навек сердца ювелирного мастера и очаровательной девушки.

Моздокский Нариман свою Дамасскую розу пока не встретил. И не создал. Средней полноты, среднего роста, лысеющий, с аккуратной черной бородкой, он разменял четвертый десяток лет и никогда не был женат. Как-то не до этого было. Работа приучила Наримана не торопиться, вот и с женитьбой он не торопился. Вечерами зачитывался историческими книгами, на которые тратил немалую часть своих доходов. Причем, история его интересовала сугубо с прикладной точки зрения. Даже в кино, вместо того, чтобы следить за сюжетом или восхищаться формами главной героини, Нариман пытался рассмотреть форму кольца на ее пальце, или понять, что за узор на рукоятке ножа главного негодяя.

Но он вовсе не был схимником, и оторванным от радостей жизни книгочеем. Иногда позволял себе приводить домой девушек, которые могли бы поспорить с Нариманом, чья профессия древнее — их или его. Правда, красноречием кратковременные гости не отличались, да и приводил ювелир их не для того, чтобы спорить на исторические, или какие-либо другие темы. Приводил он их, увы, с сугубо греховными целями, восполняя таким образом отсутствие плотских утех, неизбежное для

любого холостяка, лишенного как недостатков, так и радостей семейной жизни.

Конечно, ювелир должен быть более осторожным и осмотрительным, но Нариман считал, что ему нечего бояться. Дома ценности он не хранит, живет скромно, внимания не привлекает. Да и случалось это не часто: раньше — раз в неделю-десять дней, а теперь и того реже...

В тот день — была пятница, его гороскоп сообщил, что сегодня можно расслабиться. После сорока лет Нариман постепенно начал верить приметам. А раз гороскоп рекомендует — зачем противиться судьбе? Тем более, что ничего сложного в этом деле нет. Нужно только, возвращаясь с работы, пройти на километр дальше обычного, зайти в сауну, где постоянно ошиваются несколько жриц любви, выбрать по своему вкусу, а оттуда доехать домой на такси. И все дела. А там — расслабляйся, как душа пожелает...

В конце рабочего дня Нариман привычно почернил серебро в «серной печени». «Печень» — потому что поташ спекается с серой. Спекается — вот и «печень». Чернится серебро не сразу. Сначала оно становится желтым, потом оранжевеет и краснеет, и только потом чернеет. После чернения — зачистил железной ватой. Решив, что на сегодня достаточно, Нариман окинул взглядом рабочий стол, который постороннему мог бы показаться беспорядочно заваленным лобзиками, надфилями, напильниками, воском для моделей... Но каждый предмет, будь то микроскоп, бормашина, паяльник, либо любой другой, даже самый мелкий инструмент, занимал здесь определенное место. Хозяин мастерской мог всегда безошибочно определить, если бы кто-то посторонний переместил пинцет или кусачки.

Нариман любил порядок во всем. Может быть, даже чересчур. Он никогда не понимал поговорку «Ювелир

без понтов — беспонтовый ювелир!» На это у него был свой ответ: «Не все то золото, что красиво блестит!» Может быть, именно поэтому порядочные девушки считали его занудой и на второе свидание не приходили. Одна потенциальная невеста даже ответила ему как-то: «Ну, а то, что не блестит — точно не золото!» Больше ее Нариман не видел. Ну, а с профессионалками таких проблем не возникало: закон экономики «деньги-товар» действовал безотказно.

Из мастерской он ходил домой пешком принципиально — заботился о здоровье. Пока что оно не подводило, лишь зрение начало беспокоить — типичное профзаболевание. Сняв шлепанцы, тренировочные штаны и синий, прожженный на подоле халат, он надел светло-серые брюки, блестящие светло-коричневые штиблеты и белоснежную рубашку с коротким рукавом. Привычно замкнул дверь мастерской, убедился, что она встала на сигнализацию, и вышел на улицу. Над дверью красовалась новая неоновая вывеска: «Карат». Выше неоновой — вывеска попроще: «Ювелирная мастерская». Когда Нариман заказывал вывеску, он решил, что делать всю вывеску неоновой не стоит — может быть, скоро придется поменять на «Ломбард», или «Парикмахерская». А «Карат» к любому заведению, даже не связанному с ювелирным делом, подойдет.

Пройдя почти два километра, Нариман зашел в сауну. Выбор был небольшой: всего две феи оказались свободны — одна пухленькая брюнетка с третьим размером груди, другая похудее, обесцвеченная до блондинки с темными у корней волосами, грудью второго размера и большим ртом. Обеим лет под тридцать. Худошавую Нариман раньше не видел, видимо она была не местной и работала здесь недавно. Новенькую он, естественно, и выбрал — «свежачок» как-никак. Назвалась она Анжеликой. Таксист, а по совместительству сутенер, из-за

своей внешности прозванный Цыганенком, отвез их на красной «девятке» к дому Наримана.

— Где у тебя ванная? — спросила Анжелика, переступив порог.

«Чистоплотная! — одобрительно подумал Нариман. — Привыкла в сауне все время мыться...»

— Там, перед кухней! — показал рукой он, закрывая входную дверь на защелку. — И не закутывайся в полотенце — так иди, натурально!

— Хорошо, я быстро...

Анжелика нырнула за дверь ванной комнаты, а Нариман прошел в спальню. В доме было прохладно — дикий виноград, вьющийся по решеткам окон, хорошо спасал от жары. Переодевшись в халат, хозяин дома прошел в зал, включил телевизор и уселся в кресло. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, в коридоре послышались легкие шаги.

«Ну, наконец-то! — подумал Нариман. — И это она называет быстро?»

Он оторвал взгляд от экрана и, ладонью прикрывая глаза «kozyрьком», повернул голову, ожидая увидеть в нижней части дверного проема белые ноги Анжелики, а уже потом неспешно рассмотреть все ее голое тело. Нариман иногда позволял себе быть гурманом, и сейчас хотел со вкусом смаковать предстоящее угощение. Но испытал чувство, какое испытал бы дегустатор, который наколов на вилочку ломтик какого-нибудь деликатеса, обнаружил во рту кусочек дерьма!

Вместо обнаженных ножек Анжелики, он увидел две пары мужских конечностей в синих трико с белыми полосами и кедах. Издав сдавленный крик, Нариман вскочил навстречу неожиданным гостям. Один был высокий и худой, другой — коренастый и широкоплечий. Кроме синих трико, на них были черные майки и черные маски с прорезями для глаз. Больше ювелир рассмотреть ни-

чего не успел, так как сильный удар сбил его с ног. «Кастетом!» — подумал он, ощутив противный хруст зубов. Перед глазами все поплыло, но сознание он не потерял. Вкус крови и дикая боль наполнили сознание Наримана. Он с трудом сел, и сплюнул на ковер сгусток крови с раскрошенными зубами. Один из налетчиков уже связывал ему руки за спиной, второй тыкал в лицо пистолет, от которого остро пахло смазкой и смертью.

— Где сейф? — спросил высокий.

— Ключ от сейфа где? — не дожидаясь ответа, зарычал широкоплечий, вдавливая ствол ему в глаз. Говорили они с явным кавказским акцентом.

— Там, на связке, — невнятно проговорил Нариман разбитым ртом, отстраняясь от пистолета и кивая в сторону коридора, где на стене висела дубовая ключница. — Сейф в баре серванта...

— Побудь с ним! — бросил широкоплечий и направился к ключнице. Он был старше напарника. К тому же, у него был пистолет, и он отдавал приказы. Нариман понял, что это главарь.

— Ключ от сейфа на связке таскаешь? — спросил оставшийся, поглаживая кастет на правой руке. — А сейф в баре... Непьющий, что ли?

Нариман сглотнул кровавую слюну и промолчал.

«Молодой еще, глупый, — отметил он про себя. — И голос молодой, и бесполезных вопросов много задает... Не дал бы еще по морде!»

Вернулся широкоплечий, залез в бар, выбросил стоящие ребром для маскировки сейфа коробки конфет, зазвенел ключами. Раздался щелчок замка и скрип открывающейся дверцы.

Молодой подошел сзади и попытался заглянуть через плечо старшего.

— Не отвлекайся! — не оборачиваясь, приказал тот, доставая из сейфа кинжал без ножен.

— Красивое перышко! — присвистнул он, рассматривая обоюдоострый прямой клинок, сантиметров тридцати в длину, украшенный с обеих сторон тонкими вьющимися стеблями в технике золотой насечки. — Старинный! Где взял?

Главарь перевел взгляд на Наримана, и заметил, что тот рассматривает его правую руку.

— Ты чего пялишься? — заорал он так, что молодой отскочил.

Ювелир не понял его гнева. Нариман смотрел на кинжал, который ему очень нравился, за который он дорого заплатил и которого теперь неминуемо должен был лишиться. Но сейчас он обратил внимание, что у грабителя сросшиеся пальцы — мизинец и безымянный. И, очевидно, увидел лишнее...

— Нет, ничего, — Нариман опустил глаза.

Главарь порывлся в сейфе, извлек несколько расписок и заключения художественных экспертиз, пошарил в глубине и вынул бронзовую статуэтку сидящей в позе лотоса женщины.

Нариман горестно вздохнул.

— Я не понял... — главарь с недоумением смотрел на ювелира. — Деньги где? Золото где? Здесь больше ничего нет?!

Ненужные бумаги упали на пол.

— Материал я домой не ношу, — ответил Нариман. — А деньги в левом верхнем ящике серванта. И в кармане брюк немного, они в спальне.

Бандит бросился к серванту, открыл ящик и достал пачку купюр. Быстро пересчитал и, сунув их в лежавший там же пакет, взял его в левую руку.

— Здесь всего полтора миллиона рублей?! Ты решил с нами шутить?!

Сжав в правой руке кинжал, он двинулся на Наримана.

— Мне сейчас не до шуток, — прошамкал ювелир разбитым ртом. — Долларов нет — все вложено в дело. Рубли оставил на расходы. Зачем мне дома держать наличку?! Для этого банк есть!

— Так это что, все? А этот кинжал... Он сколько стоит? Тут же золота совсем мало... Рукоятка самопальная, из плексигласа, да?

Нариман понял, что если он сейчас ничем не заинтересует грабителей, его просто убьют.

— Рукоять родная, вырезана из горного хрусталя. И вообще, это вещи старинные, дорогие... Кинжал вообще какого-то султана...

— Турецкий паша нож сломал пополам, когда я сказал ему: «Паша, салам!», — пробурчал бандит и вновь перехватил взгляд Наримана на свои сросшиеся пальцы. Тот поспешно отвернулся.

— И что мне с того, что это «перо» турецкого паши?

— За него можно купить дом в Моздоке.

— На хрен мне твой Моздок? У меня две квартиры в Москве! Ты мне зубы не заговаривай! Где капуста, рыжье, камушки?

— Сейчас он скажет! — сказал молодой.

Теперь вместо кастета он приготовил утюг, привычным жестом покрутил регулятор температуры, ногой повалил Наримана на пол и поставил утюг ему на живот.

— Расслабься! — ухмыльнулся он и направился к розетке.

«Вот тебе и «можно расслабиться»...», — с горечью вспомнил Нариман предсказание гороскопа.

— Я вам всё отдал! Всё! Клянусь! Общайте всё — ничего нет! — не своим голосом заорал он.

— Брось, Султан! — повысил голос главарь, поигрывая зловеще блестящим кинжалом. Подойдя ближе, он ногой отбросил утюг. Нариман облегченно перевел дух.

— Похоже, у этого мудака, и правда, больше дома ничего нет. Кроме одного!

— Чего?! — насторожился молодой. — И зачем ты мое имя «светишь»?

— Жизни! Жизнь он не догадался в банк спрятать. А имя... Теперь неважно!

Широкоплечий наклонился и одним движением перерезал Нариману горло от уха до уха. Тот захрипел. По ковру растекалась большая темная лужа.

— Я не понял, — сказал молодой, стягивая с головы маску и хватая воздух широко открытым ртом. — Зачем имя «светить», а потом горло резать?

— Мне твое имя по колену! — зло отозвался главарь. — Он мои пальцы видел! Давай, уходим!

Глава 2

Тиходонские тайны

Тиходонск, сентябрь 1995 г.

Время первой чеченской войны

Глава чеченской диаспоры, которую чаще называют более нейтрально — землячеством, Гирей-Хан Ферзаули допивал утренний чай на кухне, когда домофон разразился противным пиликаньем. Его квартира, на первом этаже Нахичеванской пятиэтажки, ничем не выделялась из множества других квартир старого жилого фонда. Разве что потолки в ней были повыше: говорят, до войны — той, давней, с фашистами, здесь располагалась больница. За давностью лет беспокойства по этому поводу у Гирей-Хана нет, призраки умирающих в палатах больных людей по ночам не приходят. И по утрам не приходят. Но иногда приходят другие, порой тоже не вполне здоровые «призраки», уже с этой, новой кавказской войны, о кото-

рой те, давние бойцы, и помыслить не могли. А они куда опаснее мистических. Раздвинув пальцами пластиковые жалюзи, Гирей-Хан посмотрел в зарешеченное окно и беззвучно выругался — у входной двери подъезда стоял один из таких призраков.

— Убери по-быстрому! — сказал он Тамиле. — Не хочу его в зал вести.

Жена зазвенела посудой, а хозяин дома, светя волосатыми ногами из-под серого велюрового халата, направился в спальню. Переоделся в новенький спортивный костюм «Монтана», в карман положил складной пружинный нож — на всякий случай. Нож еще никому не помешал, а помог многим... Мимоходом повернулся к зеркалу. Оттуда на него глянул краснощекий сорокапятiletний мужчина, довольно крепкого сложения, прямой длинный нос с горбинкой, сросшиеся брови, широкие прямые усы, прикрывающие жестко сжатые губы. Даже начинающаяся лысина на темени не портила впечатления. А желтая куртка «Монтаны» очень ему шла, к тому же скрывала отрастающий живот..

Домофон снова издал призывный сигнал — пришедший, очевидно, обладал завидным упорством. Впрочем, другие к нему и не приходили.

— Кто? — для порядка спросил Гирей-Хан в переговорное устройство.

— Открывай, земляк, я с нашей родины!

Гирей-Хан нажал кнопку, после этого открыл деревянную и металлическую двери квартиры. Призрак оказался высоким, худым молодым человеком, в потертой черной кожанке, черной рубашке с завернутыми на рукава куртки манжетами, синих джинсах и замызганных кроссовках. С виду — обычный кавказский студент, которых много в Тиходонске. Лет двадцати пяти, жгуче-черные волосы, низкий покатый лоб, глубоко посаженные глаза, острый орлиный нос, бледные узкие губы.

Только взгляд необычный — будто внутри у него сидит совсем другой человек и настороженно выглядывает через глазницы наружу. Глава диаспоры часто видел такие взгляды, когда приходил в милицию выручать земляков, нашкодивших в большом городе. «Шкодили» они, в большинстве случаев, с использованием ножей, таких же, как лежал у него в кармане. И поговорку про ножи он слышал от них.

«Призрак» снисходительно улыбался, как будто это он был старшим по возрасту хозяином дома, к которому пришел молодой проситель.

— Только тихо! — предупредил Гирей-Хан. — Дети спят.

— Ассаламу алейкум! — демонстративно тихо поздоровался вошедший, и протянул руку. — Я Султан. Про детей знаю: Муса и Иса, будущие воины Ичкерии...

Гирей-Хану вступление не понравилось, он нехотя пожал твердую ладонь, обратив внимание на мозоли, выдающие постоянное обращение с оружием.

— Ва-aleyкум салам! Проходи, — Гирей-Хан показал рукой в направлении кухни, замыкая при этом за вошедшим дверь — тоже на всякий случай: вдруг следом еще кто-то заскочит...

Тамила неслышно прошмыгнула из кухни в спальню. Хотя она и была полностью прибрана: в длинном халате, расчесанная, с белым платочком на голове, но мешаться в мужские разговоры у кавказских женщин не принято. И присутствовать во время них — тоже.

Усевшись за стол, Султан, судя по всему, ожидал, что ему предложат поесть, или как минимум, выпить чаю, как положено по законам гостеприимства. Но Гирей-Хан сел напротив, давая понять, что незваного гостя привечать никто не собирается.

— Ты ведь малхистинец, из Аршты? — спросил Султан, облокотившись локтями на стол. Рукава куртки